

ББК 63.3(2)6-362-283.2

А. В. Репников

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЧУЖБИНЕ (ПО СТРАНИЦАМ ДНЕВНИКА Д. В. СКРЫНЧЕНКО)

Возвращение имени и трудов историка, богослова, педагога, журналиста и русского националиста Дмитрия Васильевича Скрынченко (1874—1947) началось благодаря исследовательской и публикаторской работе воронежского историка В. Б. Колмакова, публикации которого по данной теме появились еще 10 лет тому назад¹. После серии статей² историк подготовил и осуществил переиздание избранной публицистики Скрынченко и его книги «Ценность жизни по современному философскому и христианскому учению»³. В 2012 году вышли монография В. Б. Колмакова и подготовленная им публикация эмигрантского дневника русского мыслителя⁴. Именно тексту дневника и будет уделено основное внимание в данной статье.

Удаленность от Петербурга и Москвы сыграла со многими консерваторами злую шутку. Как подчеркивает Колмаков, возвращение имен русских консерваторов из небытия началось с лиц «первого эшелона» (В. В. Розанов, М. О. Меньшиков, Л. А. Тихомиров). В отношении ряда консерваторов, еще недавно клеймимых «ренегатами», «мракобесами» и т. п., ситуация уже изменилась. Лучшее тому свидетельство — осуществление издания полного собрания сочинений К. Н. Леонтьева (пока вышло 12 книг), собрания

© Репников А. В., 2014

Репников Александр Витальевич — доктор исторических наук, заместитель начальника Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), профессор Российского университета театрального искусства (ГИТИС). repnikov@mail.ru

сочинений М. Н. Каткова (вышло 6 томов, издание завершено), И. А. Ильина (вышло 28 книг), научных изданий Н. Я. Данилевского, К. П. Победоносцева, Л. А. Тихомирова, С. Ф. Шарапова⁵.

Однако именно на окраинах Империи в противостоянии колонизации и «украинству» постепенно оформлялся иной вид русской националистической мысли, чем у петербургских чиновников или московских последователей славянофильской традиции. В этих кругах знали Д. В. Скрынченко, Д. И. Пихно, А. И. Савенко, В. В. Шульгина, С. Н. Щеголева и др. Те, кто до крушения самодержавия жил и работал на окраинах Империи, оказался забыт, за исключением, пожалуй, В. В. Шульгина, хотя он больше прославился как депутат Думы. Возможно, что пресытившийся переизданиями правых публицистов читатель пожмет плечами — кого заинтересуют сейчас жизнь и судьба этих авторов. Однако диссертация Скрынченко о ценности жизни, опубликованная им в Петербурге в 1908 году, актуальна и сейчас. Поставленный в самом ее начале вопрос «Стоит ли жить?» автор сопровождает упоминанием о тревожной волне самоубийств, происходящих, по его мнению, из-за ложных и неустойчивых оснований жизни, которые не придают ей смысла и ценности. «Потерявши религиозную почву под собой, люди отстраняют от себя и вопрос о смысле жизни, да и самую постановку такого вопроса они считают неправильной... Где найти оправдание той сутолке, которая называется жизнью? Мысль человеческая ищет этого оправдания, напрягает все свои силы — и, измученная в своих поисках, становится, наконец, перед роковым вопросом — стоит ли жить, имеет ли жизнь какую-нибудь цену»⁶. На страницах эмигрантского дневника есть немало примеров, когда люди, потерявшие родину, близких, саму надежду, или пускались во все тяжкие, падая на самое дно⁷, или сводили счеты с жизнью. Скрынченко, оставший в России близких, по которым сильно скучал, писал: «*Боже, как бы хорошо было тут моим деткам! Как они там живут, в голоде и страхе?* <...> Все думы там, дома: помнят ли, не забыли ли, а может быть бранят? Иной раз я говорю себе: зачем я бежал, лучше было бы умереть около детей. Но дали бы мне умереть около них, а не в темном подвале чрезвычайки?»⁸ Но он не сдается и не поддается унынию. А ведь ему реально пришлось ощутить ледяное дыхание

смерти. Во время Директории Петлюры он был брошен новыми властями в Лукьяновскую тюрьму за активное осуждение деятельности Церковной Рады на Всеукраинском Церковном Соборе 1918 г. Он чудом уцелел, был освобожден, но в Киев вошли красные. Скрынченко скрывался. Рисковал и своей жизнью, и жизнью тех, у кого он останавливался. Впоследствии Скрынченко вспоминал, как прятался у своего коллеги И. К. Воронцова. В доме напротив устроили облаву, но было уже поздно, и Скрынченко не мог уйти, т. к. после 19 часов запрещалось ходить по улицам. Забыв о собственном тяжелом положении, он молился, чтобы Воронцов не пострадал из-за него. Потом в город ненадолго пришли войска А. И. Деникина. И вот, в ноябре 1919 года, Дмитрий Васильевич бежал из Киева перед новым вступлением в город большевиков. Бежал в неизвестность. В прошлом остались его многочисленные научные труды, редакторская и публицистическая деятельность, недолгое (1906—1910) пребывание в «Союзе 17 октября», работа в монархическом «Русском собрании» и «Всероссийском национальном союзе».

После скитаний, благодаря помощи сестры В. В. Шульгина, Л. В. Могилевской, которая дала ему 5000 рублей «керенками», он покупает себе место на пароходе, отходившем в Болгарию⁹. Начинается период эмиграции. После краткой остановки в Болгарии, он прибыл 12 февраля 1920 года в Белград — столицу Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, а затем уехал в Сремские Карловцы, где осели многие из русских эмигрантов. Он проживает в городе Нови-Сад. В качестве секретаря в 1921 году принимает участие в работе Русского Всеаграничного церковного Собора, во многом разделяя позицию митрополита Антония (Храповицкого), которого знал еще с дореволюционного времени. Во вступительной статье к дневнику Колмаков отмечает: «Нам, имеющим дом и семью, трудно представить себе чувства, охватывающие на чужбине человека, который лишен крова, привычного и устоявшегося круга общения, семейного тепла, да к тому же погружен в непривычную языковую и культурную среду»¹⁰.

В конце XX века миллионы русских остались в бывших республиках СССР, ставших независимыми государствами. Из-за угроз многие вынуждены были бежать, бросая или продавая за бесценок свое имущество. Военные конфликты приводили к гибели

людей. Те, кто пережил это, могут представить трагедию Русского Исхода начала XX века, когда с жестокой откровенностью обнаружилось, что русских некому защитить, что «братушки» сербы, как и союзники по Антанте — французы, не говоря уже о прочих, воспринимают эмигрантов отнюдь не дружески. Сравните это печальное открытие, сделанное Скрынченко, с более ранними наблюдениями В. В. Корсака (Завадского), пробывшего более трех лет в немецком плену и прошедшего потом Гражданскую войну. Ему, как и другим русским, во время плена само собой вдруг «стало видно их странное положение. Все нации — немцы, французы, бельгийцы, англичане, поляки были покрыты чем-то жестким, что резало русское добродушие, как нож тесто. Немцы нас считали за варваров, поляки откровенно ненавидели, бельгийцы рассматривали, как “une espèce de sauvages”¹¹. Французы молчали, но они, конечно, не допускали никакого знака равенства между собой и нами, а англичане просто не считались с нами. Но русские никому не имели права платить той же монетой; от России все эти народы что-то требовали, но сами не думали ничего признавать за ней»¹². Ситуация не изменилась и в дальнейшем, во время Гражданской войны. 14 сентября 1919 года Н. В. Устрялов отмечал, что большой успех в Омске имело стихотворение поэта Г. Маслова «Парижанину», напечатанное в белогвардейских газетах рядом с телеграммой В. Л. Бурцева о равнодушии к России французского делегата на мирной конференции г. Гардье:

От хмеля победы горд,
Ты в веселом кафе сидишь,
Но скоро разгул обезумевших орд
Сметет одряхлевший Париж.
Банкир, убегая, уютное жильё
Запрет, тяжело дыша,
И наденет кружевное бельё
Любовница апаша.
На аэроплане умчится Фош
Вербовать надежные полки,
А ты, парижанин, в камерке замрешь,
Изнывая от страха и тоски.
И будет сниться в краю чужом
Париж, как русским Москва, —

А мы мириться вас позовем
На Принцевы острова...¹³

В записи от 15 февраля 1920 года Скрынченко отмечает, что во время Гражданской войны «англичане презирали русских» и «просто оккупировали рус[ский] север», «американцы приехали не для борьбы против большевиков, а ради железных дорог... Русские и сербы должны были подчиняться англичанам. Около Медвежьей горы, где заседали большевики, английский командир запретил французам стрелять, ибо “это ему мешает спать”... большевизм был среди английских, и особенно французских и итальянских солдат. Английские офицеры и солдаты занимались лишь торговлей; бутылку виски продавали по 200—300 рублей вместо 13... английские солдаты крали из вагонов, американские крали организованно» и, в целом, «союзники не хотели победы над большевиками»¹⁴.

Когда же русские эмигранты оказались на чужбине, лишенные родины и средств к существованию, но всё ещё сохраняющие боевой дух, то они стали настоящей головной болью для недавних союзников России. Характерен приведенный в воспоминаниях В. В. Шульгина «1921 год» диалог:

— Европа не может, «ей слишком дорого» кормить армию Врангеля!.. Это — Европа, которая наложила колоссальную контрибуцию, которую она получила только благодаря России... Ибо, если бы Россия, ценою восьми миллионов русских, не вывела из строя четыре миллиона немцев и австрийцев, то Германия не была бы разбита... Вот мое мнение... Германия войной разорила много стран, но Россию более всех. Во всяком случае, убытки, которые взыскивают с Германии, надо делить между пострадавшими...

— Чтобы, значит, было честно... Но ведь Европа говорит — что «мы изменили»...

— Изменили? Кто изменил? Мы? Вздор!.. Мы, все те, кто собрались вокруг Алексеева, Деникина, мы не изменяли... Ложь!.. Мы не только не изменяли, мы продолжали ужасную борьбу — один против ста!.. Немецкие агенты, Ленин и Троцкий, бросили против нас всех тех, что побежали с фронта!.. Так скажите им, Валерий, что мы боролись с этой новой немецкой армией — армией, составленной из русских!.. Боролись бесконечно,

да!.. И вот, наконец, все те, кто уцелели, — собрались вокруг Врангеля... И эти боролись еще шесть месяцев!.. И теперь мы требуем, а не просим...

— Что же именно, ваша милость?..

— А вот что. Счет простой... Вы говорите — часть русских изменила... Ладно, сколько вы хотите снять за их измену?

— Не знаю, ваше превосходительство... Ей-Богу, это — не я, это — они, те, которые... ну словом, — Европа!

— Сколько бы ни снимали за «их измену», наш счет будет достаточно велик. И когда я буду писать передовую статью, Валерий, «когда-то» я напишу так: «От имени не изменивших и не изменявших... от имени старой России, которая погибла жертвой своей верности... от имени миллионов русских, павших в Великой войне... от имени бесчисленных их вдов и сирот... от имени легионов инвалидов... и наконец, от имени старой русской армии, преемниками и наследниками которой мы состоим, мы требуем своей доли священного вознаграждения, купленного реками крови»... Да, на эту, на свою долю, если вообще кто-нибудь имеет право!.. И вот из этих денег надо содержать армию генерала Врангеля... Над этим можно смеяться, и смеются... Но «*gira bien qui gira le dernier*» (смеется тот, кто смеется последним). Если Германия, опершись на Россию, начнет вторую мировую войну, тогда только поймут, какую ошибку сделали, пренебрегая и оскорбляя тех, кого на Босфоре, здесь, должны были встретить салютом из всех пушек... как людей... до конца исполнивших свой долг¹⁵.

Хотя в Первую мировую войну русские сражались не только за свою родину, благодарности ни от Франции, ни от Великобритании, ни от других стран-союзниц они так и не дождались¹⁶. Не случайно мы встречаем в дневнике выписанное Скрынченко стихотворение Жака Нуара (псевдоним поэта-сатирика Якова Окснера):

Мы — нищие на паперти Европы
Во вретнице, с протянутой рукой,
Изведали ухабистые тропы,
Изъедены нуждою и тоской...
Нас не поймут — ни верный сын Корана,
Ни чванный бритт, ни пляшущий француз,
И мучит мысль, тяжелая как рана,

Что мы для всех какой-то лишний груз...¹⁷

Скрынченко неоднократно фиксирует в дневнике факты возмутительного отношения к русским эмигрантам со стороны сербов и болгар. А ведь он, как и многие консервативные публицисты, в период Первой мировой тоже писал о немецком варварстве и защищал братьев-славян. И вот, оказалось, что русских хвалили, пока была великая Россия, способная воевать. Русский националист П. И. Ковалевский когда-то предупреждал, что, оказывая «братьям-славянам» постоянную поддержку, «русские проливали кровь за освобождение из-под ига турецкого греков, румын, сербов, болгар и т. д., и т. д. Всё это хорошо. Всё это похвально. Но... таким нашим заступничеством мы добились того, что все эти наши славянские братья смотрели на нас, как на своих обязанных батраков. Как только кто избидит их, так Россия и должна их выручать. Если выручит — так и должно быть. В благодарность те же вырученные братушки и лягут эту глупую Россию...»¹⁸. Вот и Скрынченко приводит конкретный пример, когда сербский монах Кирилл «разразился гневом по адресу России за то, что она всегда помогала Болгарии, сделала ее великой, а Сербия будто бы всегда стояла вне русского внимания и сама себя освободила»¹⁹. Поработав в 1924 году в библиотеке Матицы Сербской Скрынченко отмечает, что том «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина 1853 года издания до него никто не брал в руки и страницы в нем не разрезаны. Мелочь кажется, но случай не единичный, и выходит, что «сербы ничего не читают по-русски, как и прежде не читали. Наши славянофилы очень заблуждались, посылая сюда книги. Русские издания в Матице оказались брошенными на потолок, не зарегистрированными, и когда я приехал сюда, мог взять себе сколько угодно»²⁰. А вот ноябрьская запись от 1928 года: «О, пусть неблагодарные грубые болгары плюют на Россию; она еще покажет себя... И горе будет тем, которые не постеснялись заушать и “срать”, как выразился болгарин, на Россию...»²¹

Публицист А. И. Савенко, бывший знакомым Скрынченко, доказывал, что политика национального эгоизма должна заставить русских искать таких союзников, которые смогли бы помочь в достижении национальных задач. И если эти задачи достижимы

только при условии союза с Германией, нужно «всеми силами стремиться к этому союзу (ближайшей целью союза должно быть поставлено обеспечение русских и германских интересов при разделе Австро-Венгрии)». Если же для заключения между Россией и Германией тайного союза придется пожертвовать интересами чехов и прочего западного (но не южного) славянства, то мы «ни на минуту не задумываясь должны это сделать», как делают это поляки и чехи, поскольку «западное славянство само усердно лезет в немецкую пасть и для облегчения этой операции придумало соус под названием австрославизм». Следовательно, нужно «помочь им, если к тому же за простое непротивление в этой области Германия предоставит нам свободу в деле осуществления задач нашей национальной политики». Савенко приходил к выводу, что здоровая политика национального эгоизма решительно говорит, что «все интересы западного славянства не стоят ни одного русского солдата, ни одного русского рубля»²². К схожим выводам приходил и Скрынченко, полагавший, что русским «много надо поучиться от сербов и прежде всего в смысле патриотизма» и «учиться национализму у крепких духом братьев-сербов»²³. В одной из записей он отмечает: «...у нас, бывало, всё свое хаяли. Нет, даже шовинизм полезнее, чем наша космополитичность»²⁴. Как и М. О. Меньшиков, Скрынченко во многих бедах винил русскую литературу, призывавшую спасать и просвещать всех и вся: «В нас действительно сидит эта ненужная и вредная для нас бацилла “спасения” всех. Через нее-то именно мы и погibli и гибнем там на Родине, мечтая о всеобщем братстве. С этой бациллой положительно надо бороться и больше заняться проповедью национального эгоизма. Мы — великая нация, Бог дал нам великие способности и богатые материальные и духовные возможности. Нам надо быть национально стальными, и тогда западноевропейская гордость сама придет к нам и попросит нашего спасения, без нашего навязывания в этом отношении. Ведь подумать только: нас презирают даже славяне, даже бок о бок живущие с нами поляки и даже новоиспеченные “украинцы”... Нет, повторяю, нам надо в национальном эгоизме и самосознании стать в отношении Запада “*За чертополохом*”, как провиденциально писал Краснов»²⁵.

Поначалу Скрынченко жил в монастыре «Великая Ремета», где не покладая рук изучал сербский язык. Многое раздражало: «Прислуга монастырская относится заметно недоброжелательно. Монахи скупы, жмутся дать лишний кусок хлеба, не говоря уже о чашке молока, а между тем у них такое во всем богатство... Управителю монастыря неприятно, что тут появился лишний рот, да еще русский»²⁶. Монах Кирилл играет в карты с какими-то сельскими интеллигентами²⁷, «еще 7 часов утра, а монах Кирилл уже пьян»²⁸; монах Корнелий рассказывает, что «будучи монахом, 28 лет жил с одной женщиной, имел от нее сына и что эта “жена” умерла лишь 2 года назад...»²⁹, другие примеры приводятся в записи от 27 сентября 1920 года.

Негодование своим поведением вызывал архимандрит Григорий, которого крестьяне даже угрожали «побить камнями»³⁰. Обратим внимание на разговоры в среде духовенства о том, что архимандрит Григорий «погубил протоиерея Восторгова»³¹; что он «виновник расстрела протоиерея Восторгова»³². Сам архимандрит говорил Скрынченко о Восторгове и его выдвиженце — редакторе «Московских ведомостей» Б. В. Назаревском, что когда Назаревский был арестован и расстрелян, то «жена его стала укорять дочь Григория за то, что почему³³ не арестован архимандрит Григорий»³⁴. В опубликованных в 2012 году материалах судебного дела Иоанна Восторгова упоминается архимандрит Григорий (Васильев Иоанн Михайлович). В своем заявлении в Следственную комиссию Верховного революционного трибунала при ВЦИК о. Иоанн писал о том, как его намеренно пытались спровоцировать, обманув «широким и открытым участием в его деле поверенного Крутицкого, архимандрита Григория... втянуть... путем крупной взятки в 300 000 руб. в спекулятивную сделку, этим потом опозорить меня в глазах общественности, одновременно же войти ко мне в доверие и вызнать политические секреты в области активного участия моего в контрреволюции»³⁵. В справке указывается, что архимандрит Григорий окончил МДА и с 1912 года был настоятелем Князе-Владимирской церкви в Московском епархиальном доме³⁶. В комментариях к дневнику Скрынченко биографии о. Григория нет (как, к сожалению, и биографий ряда других персонажей), но можно предположить, опираясь на материалы следственного дела о. Иоанна, что ин-

формация о сомнительных действиях архимандрита в деле Восторгова имеет под собой основание.

Постепенно осваиваясь в новой среде, Скрынченко с интересом фиксирует местные рассказы и легенды о сербах, швабах (немцах) и цыганах³⁷, описывает Рождественские обычаи³⁸, пересказывает интересную легенду «о происхождении мухи в пределах Голубца»³⁹, переводит с сербского и полностью приводит в дневнике обширную статью «Удивительные народные обычаи в Поречье»⁴⁰.

В начале марта 1920 года Скрынченко было предложено место учителя русского языка в сербской женской гимназии, где он проработает до лета 1936 года, преподавая также историю. Атмосфера в гимназии была сложной. Об этом свидетельствуют и дневниковые записи. В 1905 году Скрынченко возмущало падение нравов в женской Мариинской гимназии, где под влиянием «свободомыслия» появились «очаги свободной любви», а одним из негодяев, развращавшим гимназисток, оказался «товарищ прокурора Минского окружного суда Савойский»⁴¹. Теперь же приходилось противостоять распущенности в сербской гимназии⁴². Кого-то может покоробить натурализм записи от 1 апреля 1931 года, но это тоже грустная реальность.

Когда Скрынченко перевелся в мужскую гимназию (преподавал там до 1941 года), то ему стало проще, но не намного, каждый год нужно было продлевать контракт, жалование оказалось гораздо ниже, чем у сербских преподавателей, и к тому же авторитет приходилось постоянно подкреплять. Трудолюбивый по природе, он смог доказать, что умеет и любит работать; в итоге он не только добился уважения, но иногда удостаивался и официальных похвал, как, например, на банкете в марте 1927 года, когда директор гимназии, которого переводили в другую гимназию, в своем прощальном выступлении высоко оценил его заслуги⁴³. Хорошо относились к нему и ученики. Помимо русского языка и истории, Скрынченко преподавал Св. Писание и латынь. В 1943—1944 годах он был директором русской гимназии.

Как верно отмечает Колмаков, общаясь с сербами на работе и вне стен гимназии, Скрынченко стремился остаться русским. Он долго верил в возможность возвращения в Россию, интересовался информацией о положении на родине и при этом способствовал сохранению русской культуры в эмиграции, памяти о рус-

ских, погибших в годы войны. Вот одна из характерных записей: «Считаю себя духовно удовлетворенным, что удалось мне собрать сведения о погибших здесь, в бывшей Австрии, русских военнопленных и поставить им два памятника... Сведения об умерших здесь от голода, расстрелов и т. д. я собрал у сербского священника Матыяшевича, католического военного священника и в архиве новосадской городской думы. Деньги на постановку памятников дали местные жители, которые вообще отнеслись сочувственно... Дело сделано. Рассеемся ли мы или умрем, но хоть эти памятники будут говорить о том, что русские эмигранты заботились здесь не только об устройении своей личной жизни»⁴⁴.

Скрынченко был председателем Новисадского отделения Русской Матицы — общества, созданного русскими эмигрантами с целью сохранения национальной культуры. Эта работа отбирала немало сил и времени, порождала интриги со стороны других эмигрантов. Вместо объединения следовали постоянные ссоры и расколы, что болью отзывалось в дневнике Дмитрия Васильевича. Характерны такие записи: «Среди русских ссоры, дразги, деления на партии, чуть не на касты... Опускаются руки, гибнет вера в людей»; «Наклонность к ссорам и разделению среди русских оказалась сильнее, чем я предполагал... велика и страшна эта наша язва, и невольно страшно становится за наше русское будущее»⁴⁵. Он то надеялся на выздоровление России через крестьянство⁴⁶, то ругал за спесь дворянство: «О, зубры... Ничему вы не научились и ничего не забыли. А пора бы»⁴⁷. Доставалось от Скрынченко евреям, полякам (обращу внимание на изложенную в дневнике историю разрушения ими в Люблине местного православного собора⁴⁸), интеллигенции: «Мы всегда были космополиты, ну и дождались Интернационала...»⁴⁹ Однако после чтения в январе 1932 года книг А. Н. Толстого «Черное золото» и «Петр I» и С. В. Дмитриевского «Сталин» у Скрынченко появилась вполне сменовеховская мысль: «Впечатление — рождается там национальная Русь. И родится. Это несомненно»⁵⁰.

С 1945 по 1947 год Скрынченко работал библиотекарем в «Обществе по культурному сотрудничеству Воеводины и СССР». Он скончался 30 марта 1947 года и был похоронен на Успенском кладбище в Нови-Саде (могила сохранилась и ее фотография приводится в книге).

Закончить статью мне хотелось бы словами Скрынченко: «Иной раз хочется крикнуть эмиграции — бодрее, не опускай головы, русского народа не убить! Тупицы и копеечники Европы расступятся и дадут ему его дорогу, ибо не в силах будут поставить ему преграды»⁵¹.

Примечания

- ¹ *Колмаков В. Б.* Дмитрий Васильевич Скрынченко : биограф. очерк // Воронежский епархиальный вестник. 2003. № 2, 3 ; *Колмаков В. Б., Скрынченко В. А.* Верный сын Православного Отечества // Минские Епархиальные ведомости. 2003. № 1 ; *Колмаков В. Б. Д. В. Скрынченко (1874—1947)* — деятель церкви, историк и педагог // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2003. Вып. 11 ; и др.
- ² Список приводится в монографии и библиографии к статье: *Колмаков В. Б.* Скрынченко Д. В. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века : энцикл. / отв. секретарь изд. *А. В. Репников*. М., 2010. С. 466.
- ³ *Скрынченко Д. В.* Минувшее и настоящее : избр. публицистика / предисл. и подгот. текста *В. Б. Колмакова*. Воронеж, 2009. Ч. 1, 2 ; *Скрынченко Д. В.* Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению / вступ. ст. и коммент. *В. Б. Колмакова*. М., 2010.
- ⁴ *Колмаков В. Б.* С Россией в сердце : Дмитрий Скрынченко : история жизни. Воронеж, 2012 ; *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника / предисл. и подгот. текста *В. Б. Колмакова*. М., 2012.
- ⁵ *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа : взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому / сост., авт. вступ. ст. и коммент. *М. А. Емельянова-Лукиянчикова, А. В. Репникова*. М., 2010 ; *Победоносцев К. П.* Избранное / сост., авт. вступ. ст. и коммент. *А. В. Репникова*. М., 2010 ; *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность / сост., авт. вступ. ст. и коммент. *А. В. Репникова*. М., 2010 ; *Шарапов С. Ф.* Избранное / сост., авт. вступ. ст. и коммент. *А. В. Репникова*. М., 2010.
- ⁶ *Скрынченко Д. В.* Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению. С. 5.
- ⁷ *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 77, 156, 162—164, 331—332 и др.
- ⁸ Там же. С. 49.
- ⁹ Там же. С. 29.
- ¹⁰ *Колмаков В. Б.* Предисловие // Скрынченко Д. В. Обрывки из моего дневника. С. 9.
- ¹¹ Племя дикарей (*фр.*).

- ¹² *Корсак В. В.* Плен // *Забывтая война : сб. лит. произведений / сост. Р. Г. Гагкуев.* М., 2011. С. 101—102.
- ¹³ *Устрялов Н. В.* Белый Омск : дневник колчаковца // *Русское прошлое : ист.-док. альм.* 1991. № 2. С. 311. О Принцевых островах упоминается и у *Скрынченко* (см.: *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 44).
- ¹⁴ *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 31—32.
- ¹⁵ *Шульгин В. В.* 1921 год // *Континент.* 2003. № 117. С. 179—180.
- ¹⁶ *Гончаренко О. Г.* Литургия Верных : Галлиполи в 1920—1921 годах // *Гончаренко О. Г.* Белоэмигранты между звездой и свастикой. М., 2005. С. 3—46.
- ¹⁷ *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 142.
- ¹⁸ *Ковалевский П. И.* Русский Национализм и национальное воспитание России. СПб., 2006. С. 87.
- ¹⁹ *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 43.
- ²⁰ Там же. С. 104.
- ²¹ Там же. С. 179.
- ²² *Савенко А. И.* По славянским землям // *Подольнин.* 1911. 10 сент.
- ²³ *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 102, 108.
- ²⁴ Там же. С. 92.
- ²⁵ Там же. С. 171.
- ²⁶ Там же. С. 36, 37.
- ²⁷ Там же. С. 42.
- ²⁸ Там же. С. 58.
- ²⁹ Там же. С. 47.
- ³⁰ Там же. С. 54.
- ³¹ Там же. С. 52.
- ³² Там же. С. 55.
- ³³ Так в тексте.
- ³⁴ *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 62.
- ³⁵ «Справедливость требует, чтобы мне дана была свобода» : документы из судебно-следственного дела протоиерея Иоанна Восторгова, 1918 год // *Исторический архив.* 2012. № 4. С. 180.
- ³⁶ Там же. С. 189.
- ³⁷ *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 47, 54.
- ³⁸ Там же. С. 86.
- ³⁹ Там же. С. 88.
- ⁴⁰ Там же. С. 347—349.
- ⁴¹ *Скрынченко Д. В.* Мои воспоминания // *Имперское возрождение.* 2010. № 1. С. 60.
- ⁴² *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника. С. 78, 159, 204.
- ⁴³ Там же. С. 138.
- ⁴⁴ Там же. С. 193.

⁴⁵ Там же. С. 85, 164.

⁴⁶ Там же. С. 69.

⁴⁷ Там же. С. 135.

⁴⁸ Там же. С. 156—157.

⁴⁹ Там же. С. 72.

⁵⁰ Там же. С. 220.

⁵¹ Там же. С. 222.

ББК 63.3(0)51+72.3

Л. В. Софронова, А. В. Хазина

**РЕНЕССАНСНЫЙ УЧЕНЫЙ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ
(ПО ПЕРЕПИСКЕ ДЖОНА КОЛЕТА И ЭРАЗМА
1512—1513 годов)**

Вниманию читателей предлагается перевод четырех писем 1512—1513 гг. из переписки Эразма Роттердамского и его английского друга и покровителя Джона Колета (1467—1519). Эти послания были написаны в кембриджский период жизни Роттердамца (1511—1514 гг.), который отмечен максимальной интенсивностью их эпистолярных контактов¹. К этим письмам, несмотря на фрагментарность содержащегося в них материала, можно в полной мере отнести слова Й. Хёйзинги об *Opus epistolarum* Эразма как о «поистине историческом сокровище во всем, что касается великих духовных движений Гуманизма и Реформации»². Добавим, что приведенные здесь эпистолярные источники, являясь кладезем биографических данных, привлекают внимание исследователя еще и возможностью окупиться в повседневную

© Софронова Л. В., Хазина А. В., 2014

Софронова Лидия Владимировна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина. lidiasof@yandex.ru

Хазина Анна Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина. annh1@yandex.ru